

Д Ж О С И П Л

Первое желание мистера Макбрайда



Приквел книги
**«ПЯТЬ ЖЕЛАНИЙ
МИСТЕРА МАКБРАЙДА»**



Мистер Макбрайд. Добрые истории

Джо Сипл

**Первое желание
мистера Макбрайда**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Сипл Д.

Первое желание мистера Макбрайда / Д. Сипл — «Эксмо»,
2021 — (Мистер Макбрайд. Добрые истории)

ISBN 978-5-04-255230-4

Мюррей и Дженни вместе уже 86 лет, но их любовь такая же сильная, как в юности. Правда, Дженни все чаще забывает, как зовут пожилого мужчину, который держит ее за руку. В надежде удержать любимую рядом как можно дольше, Мюррей решает вспомнить, как все начиналось. Он рассказывает Дженни историю о школьных друзьях, которые отправились на поиски сокровища дороже золота... В третьей книге о мистере Макбрайде читатели увидят любимого героя мальчишкой – отчаянно влюбленным в девочку из школы, мечтающим играть в бейсбол и впервые сталкивающимся с серьезным выбором и тяжелой потерей.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-255230-4

© Сипл Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Благодарность	6
Пролог	8
Лемон-гроув, Иллинойс	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джо Сипл
Первое желание мистера Макбрайда
Книга 3

Joe Siple

The First Wish of Mr. Murray McBride

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Благодарность

Когда я приступил к написанию этой истории, прошло чуть больше двух лет с начала моей писательской деятельности. Возможно, поэтому работа над ней оказалась такой трудной и мне понадобилась настоящая помощь.

Я всегда полагаюсь на свое «племя». Их обратная связь помогает совершенствовать черновые наброски. Это очень ценно для меня как для автора, но требует много усилий от тех, кто помогает. Меньшее, что я могу сделать в ответ, – искренне поблагодарить их за душевную щедрость.

Дэвид Шарп: работая над своими книгами, я знал, что могу рассчитывать на вашу поддержку и мудрые советы. Вы – один из лучших писателей, которых я встречал, и всегда щедро делитесь своими гениальными идеями. Если бы вы написали эти книги вместо меня, уверен, они были бы намного лучше.

Шила Хенке: как и Дэвид, вы были со мной с первых семинаров, организованных на писательской конференции Северного Колорадо. Я уверен, что вы прочтете все присланные материалы до нашей следующей встречи и дадите полезные рекомендации. Ваш прекрасный лирический стиль великолепно уравнивает мою довольно прямолинейную манеру письма.

Ронда Симмонс: вы – украшение группы моих критиков. На протяжении многих лет ваша поддержка и советы помогали мне бороться со сложностями. Спасибо, что полюбили Мюррея так же сильно, как и я.

Мэри Эллен Брамвелл: вы оказались неожиданной звездой этого проекта. Когда издательство отправило вам мою рукопись на редактуру, я не ожидал ничего особенного. Господи, как же я ошибался. Ваше внимание к мелочам и ценные советы сделали эту историю по-настоящему живой. Хочу извиниться за все те случаи, когда я упрямылся и не прислушивался к рекомендациям относительно пунктуации. Знаю, это моя проблема.

Ким Катанзарит: я нашел вас на Reedsy и до сих пор благодарен судьбе. Вы подняли редактуру на высочайший уровень профессионализма, который был так необходим.

Огромную помощь мне оказали члены моей семьи.

Моя жена Анна: очень трудно показывать тебе первые черновики. Мне так хочется впечатлить тебя. Помнишь, как Мюррей хочет произвести впечатление на Дженни даже после восьмидесяти лет совместной жизни? Я такой же. Но без твоего острого взгляда и мягкой честности мои истории были бы абсолютно нечитабельными.

Моя дочь Лили: твой вклад в эту историю огромен. Ты дала мне бесценные советы по «Маленьким женщинам» и всегда поддерживала меня, когда мы обсуждали мои идеи в разных кофейнях.

Моя дочь Майя: спасибо, что вдохновляешь меня быть лучше. Показатели продаж и отзывы людей окрыляют, но только вы с Лили помогаете мне чувствовать себя настоящим писателем.

Моя сестра Джулия: давно пора было тебе признаться. Хотя твое имя не упоминается ни в одной из моих опубликованных книг, именно ты годами страдала от моих несовершенных рукописей, пока я учился писать художественную литературу. Представляю, как трудно было продираться сквозь мои первые тексты, а затем давать конструктивные советы и находить слова одобрения. Ты делала это совершенно бескорыстно. Без твоей помощи я не сумел бы опубликовать ни одной книги. Я очень тебе благодарен – лучше поздно, чем никогда.

Синди Лузински и Dementia Together: вы оказались бесценным источником информации о реалиях деменции. Если в моей книге есть некоторые неточности, это не ваша вина. Я просто хотел, чтобы она не стала «еще одной историей о трагедии».

Тим Катка: мы встречались в кофейнях, и ты с теплотой рассказывал о своей прекрасной жене Леле. Ты говорил, что хочешь помогать людям лучше заботиться о близких, страдающих деменцией. Уверен, Лела гордилась бы тобой. Мне очень хотелось бы с ней познакомиться. И я рад, что сестра кинозвезды оказалась для тебя слишком молодой.

Мой издатель Рейган Рот из Black Rose Writing: бесконечно благодарен вам за то, что Мюррей Макбрайд обрел настоящую жизнь. Когда все говорили «нет», вы сказали «да». Благодаря вам с ним познакомилось множество людей, и это изменило мою жизнь. Я буду всегда признателен вам за это.

И наконец, спасибо вам, мой читатель. Меня до сих пор удивляет, что есть люди, которым интересны мои истории и которые находят в них что-то родное. Я рад, что вы решили прочесть эту книгу, и надеюсь, она вам понравится.

Пролог

50 километров от Вокегана, Иллинойс

1864

Через несколько минут Шон Бреннан станет сиротой.

Его отец лежал под жарким солнцем, почти скрытый высокой люцерной, качавшейся на ветру. Кровь хлестала из глубокой раны на бедре. А рядом зловеще поблескивала коса.

Шон не видел, что случилось. Он подбежал, услышав крик отца.

А теперь мог лишь держать его за руку и смотреть, как дорогое лицо медленно бледнеет, а потом становится серым.

– Слишком рано, – прошептал отец.

«Конечно, слишком рано, – думал Шон. – Как я буду жить без тебя?»

Он хотел побежать за помощью, но его десятилетние ноги парализовало, как и десятилетний разум. Если это последние минуты жизни отца, Шон обязан быть рядом с ним.

– Я никогда не говорил тебе, – пробормотал отец. – Ждал, когда ты подрастешь. Но я ждал слишком долго.

– Все будет хорошо, – сказал Шон.

Хотя тщетность подобных уговоров была очевидна, ничего другого сказать он не мог.

Всего несколько минут назад они с отцом косили люцерну под ясным небом Среднего Запада, ни о чем не думая. Как это могло случиться?

– Послушай меня, Шон.

Это бессмысленно! Как мир мог за мгновение так измениться?

– Все будет хорошо, – повторил мальчик.

– Послушай меня! – Отчаяние в голосе отца вырвало Шона из его мыслей. – Я его похоронил!

Шон не представлял, о чем говорит отец. Он его похоронил? Похоронил что? Что может быть настолько важным, что отец тратит на это последние мгновения жизни?

Отец мог только шептать. Силы оставляли его.

– Чтобы сохранить... От огня... Старая церковь... Красивая... земляной пол... кладбище... на холме... – Глаза его расширились, ему было трудно дышать. – От твоей матери...

У Шона закружилась голова. Мама умерла через несколько дней после его рождения. Он ее совсем не помнил.

Свободной рукой отец Шона полез в карман штанов, что-то разыскивая.

– Я не понимаю, – пробормотал Шон. Солнце палило нещадно. Кожа мальчика горела. От сладкого запаха люцерны кружилась голова. – Что похоронил? В какой церкви? Я не понимаю, что ты говоришь...

Отец облизал пересохшие губы и снова попытался глотнуть. Его веки отяжелели. Зрачки закатились. Наконец он снова поймал взгляд Шона.

– Твоя мать...

Шон знал, что время уходит. Отец может больше не открыть глаза. Его ладонь, лежащая на руке Шона, ослабевала. Собрав последние силы, отец крепко сжал руку Шона и посмотрел ему прямо в глаза.

– Сокровище... дороже... чем... золото...

Глаза его закрылись, и рука упала на землю.

Ладонь раскрылась, и под палящими лучами солнца Шон увидел то, чего не заметил раньше. Он наклонился, чтобы рассмотреть получше. Сердце его затрепетало.

В безжизненных пальцах отца лежал маленький медный ключ, поблескивавший на солнце.

Лемон-гроув, Иллинойс 1996

Оркестр заиграл «Свадебный марш», в точности как восемьдесят лет назад. Большинство людей до восьмидесяти даже не доживают. Но я здесь. Мне девяносто восемь, и я женат на самой лучшей женщине в мире. Мы вместе дольше, чем многие из нас живут на этой земле. Думаю, это прекрасный повод для праздника.

И, по мнению людей, выстроившихся в очередь, чтобы пожать нам руки и выразить восхищение – это огромное, невероятное достижение. Есть типичные поздравления к важным датам – серебряной или золотой свадьбе, совершеннолетию или юбилею. Но когда малознакомые люди подходят к нам и говорят, как они впечатлены нашим совместным долголетием, мне начинает казаться, что мы с Дженни для них – забавная диковинка, а вовсе не любимые родственники или друзья.

Дожить до нашего возраста непросто, и большинству поздравляющих вряд ли это удастся. Мы стали скорее экспонатами зоопарка, чем близкими людьми. Но хорошо, что в этом зоопарке мы вместе.

Дженни молча сидит рядом со мной, а я принимаю неловкие поздравления. А что еще мне остается? Вероятно, мой внук Ченс устроил этот праздник из чувства долга. Возможно, он хочет привлечь внимание к себе, благодаря нашим с Дженни «достижениям».

Я почти никого не знаю. Что-то подсказывает мне, что все детали праздника продумала вторая жена Ченса, Оливия. Она нежно сжимает мои щеки мягкими руками и плачет.

Я искренне не понимаю, почему женщина, которую я почти не знаю, сжимает мои щеки. Но я улыбаюсь. Ведь животные в зоопарке именно для этого – чтобы развлекать посетителей. Дело не в их красоте, силе или уникальности вида. Все дело в людях, пришедших на них посмотреть. В покупателях, которые платят деньги.

Когда Оливия отходит от меня и переключает внимание на Дженни, я крепче обнимаю жену. Прожив столько десятилетий с одним и тем же человеком, спутником всей жизни, вам захочется его защитить. Готов признать: сейчас я оберегаю Дженни сильнее, чем раньше. И это вполне логично. Я буду защищать ее до самой своей смерти. Или до ее, если она уйдет раньше.

– Вы так хорошо выглядите, – говорит Оливия и сжимает щеки Дженни так же, как и мои. – Благодарение Богу за вас обоих и за ваш брак!

Она кладет ладони на руки Дженни и похлопывает их, будто проверяя, что они настоящие. А может быть, ей просто хочется узнать, какова на ощупь кожа в девяносто девять лет. Люди – странные существа.

Кстати, кожа становится похожей на наждак, который рвется, как мокрая салфетка. Довольно удивительная штука. Насколько я знаю, воспроизвести нечто подобное в лаборатории не удалось.

Одним из последних к нам подходит человек с фотоаппаратом. Он говорит, что работает в местной газете. Я много лет читаю Lemon Grove Gazette, поэтому, услышав его слова, поднимаюсь. Он спрашивает, можно ли нас сфотографировать, и я, конечно же, соглашаюсь.

– Только дайте нам минутку.

Я наклоняюсь к Дженни и шепчу ей на ухо.

«Ты такая красивая!»

А потом прижимаюсь потрескавшимся губами к ее сморщенной щеке. Я приятно удивлен, что она расплывается в широкой улыбке, пока фотограф нас снимает.

Я совершенно искренен – как и в те дни, когда мне было двенадцать, двадцать два и девяносто два. Она потрясающая! И всегда была такой. А ее красота лишь малая часть того, что делает ее особенной.

– Речь! – кричит кто-то из толпы.

Я надеялся, что смогу избежать этой обязанности. Некоторые гости уже начали расходиться, готовые вернуться к собственной жизни с занимательной историей о престарелых супругах. Можете поверить? Ей девяносто девять, а ему девяносто восемь! Они женаты восемьдесят лет!

Честно говоря, мне нет до этого особого дела. Пусть рассказывают свои истории. Для этого и существуют животные в зоопарках. Но речь? Это уже совсем другое.

И все же голос – я узнаю своего внука, Ченса, – привлек всеобщее внимание. И даже разбудил воображение. Что может сказать на восьмидесятилетии свадьбы человек, старый, как карбюратор? Наверняка им кажется, что я даже подняться не смогу. Но я встаю, чтобы доказать, что они не правы, и беру у второй жены Ченса микрофон.

Наверное, нужно было подготовиться. Но я этого не сделал. Совершенно не представляю, что должен сказать. Я с любовью улыбаюсь женщине рядом с собой, которая всегда была неотъемлемой частью моей жизни. Матерью наших детей. Моей спутницей в горе и радости. А в нашей жизни хватало и того и другого. Уж поверьте.

Я поднимаюсь и с теплотой смотрю на нее. Ее глаза цвета морской волны вдохновляют меня. Она – моя муза.

– Что ж... – говорю я в микрофон, и из динамиков несется жуткий скрежет. Некоторые гости зажимают уши руками. Неплохое начало речи.

– Извините, – говорю я. – Техника – дело такое... Когда я был молод, у нас не было микрофонов.

Раздаются смешки. Но по выражениям лиц я понимаю, что люди просто пытаются меня поддержать. Что ж, это хорошо. Я здесь не ради них. Кем бы они ни были. Я здесь ради Дженни. И вместо того чтобы говорить с этими незнакомцами, я решаю просто позабыть о них. Я говорю только с Дженни и полностью сосредоточиваюсь на ее прекрасном лице.

– Я знаю тебя всю свою жизнь, – говорю я. – Да, конечно, несколько лет до нашей встречи мы дышали порознь, но это была не жизнь. По крайней мере, для меня. Жить по-настоящему я начал в тот день, когда встретил тебя. И в тот день, когда я тебя потеряю, жизнь для меня кончится. И неважно, кто из нас уйдет первым.

Дама в атласных брюках и облегающей блузке с глубоким вырезом достает из кармана салфетку и промокает ею глаза. Священник рядом с ней улыбаясь смотрит на меня. Но это не отец Пол. Кажется, все тронуты моими словами. Но они лишь отвлекают меня. Для меня существует только Дженни.

– Да, конечно, у нас были трудные времена, как у любых супругов. Но мы всегда были командой. Как бы тяжело нам ни было. Ты всегда была на моей стороне, а я – на твоей. Несмотря ни на что.

Большим пальцем левой руки я кручу на пальце обручальное кольцо. Золото потускнело, покрылось царапинами, но кольцо на месте. Вообще-то я долго его не снимал. Даже не уверен, смогу ли снять, если захочу. Но это неважно. Ведь зачем мне хотеть этого?

– Они говорят, что прошло восемьдесят лет. Я даже не заметил, как пролетели эти годы. Но точно знаю, что буду вечно благодарен судьбе – ведь я смог провести их с тобой.

Я всматриваюсь в ее бездонные глаза, пытаюсь увидеть их по-новому. Глаза, в которые я смотрел бесчисленное множество раз. И у меня снова захватывает дух.

– Я люблю тебя, Дженни Макбрайд. Я полюбил тебя с первого взгляда. – Я умолкаю, чувствуя, что мое старое, морщинистое лицо кривится в улыбке. – Ну, может быть, со второго или третьего. В день нашей первой встречи я был слишком поражен.

Снова раздаются смешки. Но я не обращаю на них внимания. Для меня существует только Дженни.

– Я буду любить тебя до самой смерти, дорогая. А после моя душа будет любить тебя вечно. За последние восемьдесят лет ты сделала меня счастливейшим человеком на свете. – Я наклоняюсь и нежно целую ее в лоб. Затем выпрямляюсь, но не могу уловить выражение ее лица. – Я люблю тебя, Дженни. Люблю больше жизни!

Я опускаю микрофон, и зал взрывается бурными аплодисментами. Растроганная дама больше не пытается утереть слезы. Священник рядом с ней хлопает так громко, что мне даже смотреть больно. И все вокруг аплодируют, тронутые любовью старика к жене.

Но как бы громко они ни хлопали и ни кричали, их шум не может перекрыть мягкий голос Дженни, усиленный микрофоном. И все слышат ее слова, когда она смотрит на меня и спрашивает:

– А кто ты?

* * *

Это случилось 2 мая 1994 года. Два года, четыре месяца и пять дней назад. Мы прожили в нашем маленьком домике в Лемон-Гроув почти семьдесят восемь лет. Мы с Дженни. Именно тогда она впервые забыла, где наш дом.

Она отправилась в супермаркет за продуктами. Мы оба гордились своей независимостью. Несмотря на возраст, который некоторые могли бы назвать глубокой старостью, мы продолжали жить полноценной жизнью. Большинство людей после девяноста, а то и восьмидесяти сильно сдают. Нет, конечно, это не их вина. Господь создал нас такими – мы стареем, жизнь замедляется и в конце концов заканчивается. С одной стороны, с возрастом приходит мудрость. С другой – наши тела постепенно перестают работать. Это часть сделки.

Но мы с Дженни по каким-то неведомым причинам обладали редким даром: сохраняли здоровье и силы дольше, чем большинство людей. И нам посчастливилось пройти этот путь вместе. Если кто-то попытается убедить меня, что у нас была бы такая же жизнь без поддержки и любви друг друга, я бы никогда не поверил. Без Дженни я бы последовал за своими мальчиками сразу после их смерти. Но этого не случилось. Благодаря Дженни.

Может быть, поэтому, когда на празднике она не узнала меня, это испугало нас обоих. Такого никогда раньше не было. Мы оба знали, что это может случиться. Но это не уменьшило моего шока и беспомощности. Однако я даже представить не мог смятение, дезориентацию и страх, которые чувствовала Дженни.

На следующее утро я смотрю, как она спокойно спит в нашей постели. Надеюсь, сегодня ей станет лучше. Но в голове мелькают тревожные мысли: что делать, если этого не случится?

* * *

В восемь утра, когда я уже позавтракал и принял таблетку, в дверь стучит наша сиделка Деб. Она живет по соседству. Одно и то же, каждое утро. Деб легонько стучит в дверь и молча улыбается, чтобы не разбудить Дженни. А я пешком отправляюсь в церковь святого Иосифа, а затем возвращаюсь обратно.

Деб поистине святая. Но, к сожалению, она собирается оставить свою работу. Все сложилось удачно: Деб задумалась о выходе на пенсию, когда стало ясно, что Дженни нуждается в более качественном уходе, который мы не могли ей обеспечить. И когда Ченс с Оливией предложили нам отпраздновать годовщину свадьбы, мы решили, что это будет наша прощальная вечеринка. После этого Дженни переберется в новый дом престарелых. Док Китон говорит, что это первоклассное место.

Вчера была вечеринка. А завтра мы переезжаем в «Аспен Ливз».

Официально туда едет Дженни. Но я поднял такой шум, что они согласились поставить в комнату еще одну кровать, чтобы я мог жить вместе с ней. Конечно, у нас остается дом. Но я ни за что не оставлю свою жену. Куда она, туда и я. Все просто. Во мне снова просыпается защитник.

Я дохожу до перекрестка и вижу небольшой грузовой автомобиль. С водительского места выглядывает мой внук Ченс. Наверное, он заметил потрясенное выражение моего лица, потому что начинает говорить еще до того, как грузовик останавливается.

– Не волнуйся, дед, – говорит он, прежде чем я успеваю сказать хоть слово. – Вещей не так много, как кажется.

– Надеюсь! – кричу я на всю дорогу. – Я думал, мы договорились.

– Да, дед, но это всего лишь самое необходимое. Уверен, бабушка будет не против. Ей понравилось, что мы с Оливией проживем в вашем доме. И даже не до конца ремонта. Только до установки новой кухни.

– Мы договаривались, что ты ничего не будешь привозить, пока мы не отвезем твою бабушку в «Аспен Ливз». А это завтра, а не сегодня.

– Это была бабушкина идея, помнишь? Она хотела, чтобы мы переехали сюда на время ремонта. Это же она сказала, что жить в отеле просто смешно. Помнишь?

Конечно, я помню. Вопрос, помнит ли Дженни? Что произойдет, когда Ченс появится в нашем доме с кучей вещей, а Дженни окажется в неведении? Она ничего не поймет и испугается, лишь потому что Ченс решил нарушить нашу договоренность. Для него это пустяк. Его-то не будет рядом, когда все случится.

– Мне нужно было завезти эти вещи перед работой, – говорит Ченс. – Не волнуйся. Я позабочусь, чтобы бабушка не увидела.

Мотор ревет. Ченс машет мне из окна и заезжает на дорожку нашего дома.

Какая-то часть меня – защитник – жаждет ворваться в дом и помочь Дженни понять, что происходит. Но там Деб. И к тому времени, когда я доберусь, все уже случится.

Я решаю положиться на Деб. Отворачиваюсь от дома и продолжаю свой путь. Вскоре я медленно поднимаюсь по каменным ступенькам церкви святого Иосифа, поражаясь, как трудно мне дается это привычное занятие.

В юности, когда я профессионально играл в бейсбол за «Кабс», ноги мои танцевали без малейших усилий. Я мог прыгать, крутиться, бегать, вертеться – и даже не потел.

А теперь мое сердце готово выпрыгнуть из груди из-за двенадцати каменных ступенек. В последнее время правое колено частенько меня подводит. Впрочем, ничего необычного. Боль становится привычной, когда тебе девяносто пять, – по крайней мере, я в этом убедился. Но теперь колено не просто болит. Стоит мне оступиться, и острая боль пронзает всю ногу.

Добро пожаловать в глубокую старость.

Но я все же поднимаюсь. Я всегда поднимаюсь. Может быть, медленно. Может быть, преодолевая постоянную боль. Но я поднимаюсь и иду. Иногда я думаю: хочет ли Господь забрать меня? Если его интересует мое мнение, я бы предложил забрать меня вместе с Дженни. Это было бы намного проще, не так ли?

Я открываю большую деревянную дверь, и в церковь проникает яркий луч солнца. Пылинки кружатся в солнечных лучах, но исчезают, как только дверь за мной закрывается. Яковыляю к ближайшей скамье в последнем ряду и опускаюсь на твердое дерево.

Когда мои глаза привыкают к полумраку, я замечаю, как возле алтаря подметает пол священник, которого я видел на празднике. Увидев, что я сел, он откладывает метлу, подходит ко мне и садится рядом.

Я хмурюсь и отодвигаюсь в сторону. С новыми людьми мне нужно время и пространство. Если я плохо знаю человека, мне не хочется с ним обниматься. Похоже, священник намек

понимает, потому что отодвигается в противоположную сторону. Теперь между нами допустимая дистанция.

– А где отец Пол? – спрашиваю я, не здороваясь.

У священника темные глаза, темные волосы и черная борода. И все же он как-то гармонирует со светом, что довольно удивительно.

– Его перевели в приход на юге Чикаго. Полагаю, Господь решил, что там он нужнее.

Я хмыкаю.

– Вернее, так решила епархия.

Мне никогда не нравилось, что церковь перемещает священников, которые провели в своем приходе много времени и построили отношения с паствой. Людей отрывают от корней и отправляют неизвестно куда.

– Я – отец Джеймс Гонсалес, – представляется священник и протягивает руку.

Мне не нравится, что у нас новый священник. Еще больше не нравится, что смена произошла накануне нашего праздника.

Отец Пол даже не пришел на торжество. Вместо него появился этот незнакомец, словно воротничок делает всех священников одинаковыми. И все же я – человек воспитанный, поэтому крепко пожимаю протянутую руку.

– Мюррей Макбрайд, – говорю я. – Можете называть меня просто Мюррей, поскольку вы служитель Господень.

Уголки рта священника приподнимаются в легкой улыбке.

– А вы можете называть меня отец Джеймс, если вы не против.

– Почему я должен быть против? Человека следует называть так, как он хочет.

Отец Джеймс улыбается шире, и мне кажется, что я ему нравлюсь. Что ж, это к лучшему. Дженни сейчас в таком состоянии, что мне, похоже, придется часто бывать в этой церкви.

– У вас был прекрасный праздник, – говорит священник. – Вы произнесли очень трогательную речь. За всю жизнь мне не доводилось видеть супругов, проживших в браке восемьдесят лет. Это просто потрясающе.

Не знаю, что на это ответить. Стоит ли сказать, что я, вообще-то, его не приглашал? Я никого не приглашал. Всем занималась вторая жена Ченса. Но даже она не отправляла личного приглашения этому человеку. Приглашение было адресовано отцу Полу.

Или следует объяснить, что восемьдесят лет вместе – это не достижение, как многие думают. Каждый год был счастьем и редким даром. Не каждому дано прожить всю жизнь с любимой женщиной. В конце концов я бормочу: «Спасибо», – ведь отец Джеймс именно этого от меня и ждет.

– А как Дженни? – спрашивает отец Джеймс.

Он слегка наклоняется ко мне. Но делает это ненавязчиво. Просто чуть склоняет голову в моем направлении. И я не возражаю против этого. Его голос успокаивает – и это удивительно. Надо сказать, и само его присутствие не раздражает – ведь он предоставил мне необходимое пространство.

– Я слышал, у нее проблемы со здоровьем, – продолжает он.

Он был там. Он слышал, что она сказала в микрофон. Все слышали. Думаю, он пытается проявить сочувствие. Но я не ребенок, и обращаться со мной так не следует.

– Альцгеймер, – сухо произношу я.

Мне ненавистен сам звук этого имени. Бедолага Альцгеймер. Открыл болезнь, сделал много хорошего для науки – и что получил? Людям ненавистно его имя – и будет ненавистно веками веков.

– Мне жаль, Мюррей. Это тяжело. Очень тяжело.

Я киваю.

– Не знаю, что с этим делать. Иногда она ведет себя совершенно нормально. Но теперь это случается все реже. Почти совсем не случается. Но забыть, кто я? Я? Мужчина, за которым она была замужем всю жизнь? – Я трясую головой, пытаюсь избавиться от боли и смятения. – Так плохо еще никогда не было.

Я ерзаю на скамье. Почему они не могут сделать скамьи более удобными для стариков?

– Я все еще верю, что ей станет лучше, – говорю я. – Но док Китон советует не тешить себя пустыми надеждами и просто окружить ее всей любовью, на которую я способен. – Я утираю глаза. – Хороший человек этот док Китон. Умный.

– Уверен, так оно и есть, – кивает отец Джеймс.

– Завтра в восемь утра мы едем в «Аспен Ливз». Нам повезло, что там нашлась комната. Хотя это странное везение. Будет тяжело. Для нас обоих.

Мы несколько минут сидим молча, но не испытываем неловкости. Не знаю почему. Мы обменялись всего парой слов, а я уже изливаю ему душу, будто мы знакомы много лет. Наверное, потому, что он служитель Господа. Из дальнего уголка церкви, где мерцают свечи, доносится тихий шорох.

– Зачем вы пришли сюда, Мюррей? – в конце концов спрашивает отец Джеймс. – Чего вы ищете?

– Не знаю, – отвечаю я, задумываясь над вопросом. – Наверное, пытаюсь понять, как жить дальше, когда не уверен, узнает ли меня собственная жена.

– А если не узнает?

– Что?

– Что, если вы вернетесь домой и жена вас не узнает? Что, если это случится сегодня?

Я ерзаю на скамье и скриплю зубами. Отец Джеймс не замечает и продолжает.

– Что, если она никогда больше вас не узнает? – спрашивает он. – Что вы будете делать, если она станет совершенно другой, не той женщиной, которую вы знали всю жизнь?

Он смеется надо мной, хотя я не понимаю почему. Во мне вскипает гнев. Я пришел за помощью и утешением. А не для того, чтобы какой-то неизвестный священник рассказывал мне, какие ужасы могут случиться.

– Что вы пытаетесь сказать? – спрашиваю я, не скрывая враждебности. – Думаете, я не смогу справиться? Не смогу позаботиться о собственной жене?

Зубы скрипят, и кулаки сжимаются.

– Я говорю не об этом, – тихо и спокойно отвечает отец Джеймс. – Вы сказали, что пытаетесь понять, что делать. Я просто предлагаю вам все обдумать. Что вы сделаете, если Дженни больше вас не узнает? Что произойдет с вашей любовью? Она исчезнет? Растворится вместе с ее способностью узнавать вас?

– Моя любовь к ней? – Я осознаю, что нависаю над отцом Джеймсом, хотя не собирался вставать. Кулаки сжимаются сами собой. – Как вы смее сомневаться в моей любви к ней?! Моя жена – все для меня! Так было, есть и всегда будет! Что бы она ни сказала и ни сделала, что бы ни случилось – ничто не изменит моей любви к ней. Ничто, слышите?

Отец Джеймс медленно поднимается и встает рядом со мной. Он улыбается, словно понимает меня. Его черные глаза сверкают. Он касается моей руки и, глядя прямо в глаза, говорит:

– Хорошо. Что бы ни случилось, Мюррей. Помните это.

* * *

Из церкви я выхожу в смятении. Никто раньше не выводил меня из себя так, как отец Джеймс. С таким стариком, как я, все обычно ведут себя сдержанно. Они видят, насколько я слаб физически, и полагают, что я не справлюсь с эмоционально сложными проблемами. Но теперь я понимаю, что сделал отец Джеймс, и благодарен ему. Он хороший человек.

Церковь находится всего в полутора кварталах от дома. В конце Мапл-стрит. А затем нужно пройти по тротуару Пятой улицы. Но при моей скорости этот путь занимает достаточно времени, чтобы все обдумать. А обдумать мне нужно многое. Что сейчас происходит в мозге Дженни? Я мало что знаю о мозге.

Правда, я провел некоторое время в библиотеке, и дружески настроенная библиотекарьша Хелен помогла мне подобрать книги, в названиях которых встречались фразы вроде «развитие неврологии», «когнитивное угасание» и даже «чудодейственное средство». Но я до сих пор не понимаю, как у человека из головы может исчезнуть целая жизнь вместе со всеми, кого он любил.

Развитие болезни тоже кажется бессмысленным. Как Дженни может помнить, во что была одета, когда ее восьмилетней сестре диагностировали полиомиелит, но забыть, что ела на завтрак полчаса назад, хотя весь дом пропах беконом?

Я понимаю, что мне повезло. Мы с Дженни познакомились в юности. Поэтому я присутствую в большинстве давних воспоминаний, которые каким-то чудесным образом еще сохранились. Конечно, там я совсем другой. Но это лучше, чем если бы жена путала меня с каким-то другим мужчиной. Например, с Эрни Уэллсом.

Воспоминания Дженни приносят утешение, хотя иногда она путает прошлое с настоящим. Порой она говорит так, будто сейчас 1910, 1940 или 1985 год. Наблюдать эту путаницу и неспособность осознать настоящее тяжело. Но встретиться с ней в прошлом даже приятно. Ведь это наше общее прошлое. Да, жизнь блекнет перед ее глазами, но сохранившиеся части этой жизни дают нам обоим небольшое убежище.

Но когда она не узнала меня на празднике, я понял, что док Китон был прав. Дженни нужна помощь, которую я больше не могу ей оказать. Переехать в тот дом будет тяжело. Но я пройду с ней этот путь. Если они попытаются разлучить нас, им придется применить силу. Когда доходит до дела, я все еще злобный старый бойцовский петух.

– Я дома, дорогая! – кричу я, переступая порог.

В углу свалены какие-то вещи Ченса и Оливии, но я стараюсь не обращать на это внимания. Я рад, что они останутся в нашем доме, пока у них идет ремонт. Но Ченс мог бы подождать с перевозкой вещей до завтра, как мы договаривались.

Я ловлю взгляд Деб и вопросительно поднимаю брови. Искра надежды в моей груди болезненно разгорается жарким огнем. К счастью, Деб не успевает ответить, а из спальни доносится бодрый голос Дженни.

– Мой Мюррей!

Все как раньше!

Направляясь на кухню, Деб хлопывает меня по руке.

– Она проснулась всего десять минут назад. Похоже, сегодня у нее хороший день. – Она наклоняется ко мне и шепчет: – Постарайтесь насладиться этим в полной мере.

Деб готовит себе завтрак – мы не против, – а я направляюсь в спальню к Дженни. Она сидит в постели, опираясь на грудку подушек. Выражение ее лица довольно робкое, словно она только что стащила печенье из банки.

– Мне так жаль, Мюррей. Деб рассказала мне про вчерашний вечер. Про праздник...

– О чем ты говоришь? – Я сажусь рядом, беру ее за руку и крепко сжимаю. – Тебе не за что извиняться.

– Но это же должен был быть наш счастливый день. Деб, конечно, этого не сказала, но я все понимаю. Я знаю, что все испортила.

– Ты ничего не испортила, слышишь? Ничего! Все говорят, что это был прекрасный праздник.

– И кто же? – Когда я не отвечаю сразу, Дженни печально качает головой. – Деб рассказала, что я произнесла в микрофон. Я не помню, что говорила и почему. Я спросила, кто ты такой. Ты!!! Мой Мюррей!!! И я даже не смогла тебя вспомнить!

– Но сейчас же ты меня помнишь, правда?

– Конечно помню, – отвечает Дженни и целует меня в щеку. – Но это пугает меня, Мюррей. И тебя тоже, я знаю. Нет смысла притворяться. Очень скоро не помнить станет для меня привычнее, чем помнить... а потом... пуфф...

Она разводит руками, словно в воздухе лопается пузырь.

Она так чудесно говорит об этом. Конечно, мы оба знаем, что впереди нас ждут тяжелые времена. Или по крайней мере догадываемся. Но сейчас я вижу блеск в глазах Дженни. Она совершенно спокойно и разумно говорит о своей болезни и своем мозге. И ужасная ситуация кажется мне пушком одуванчика, парящим в воздухе. «Пуфф!» – говорит она. И в этот момент я люблю ее еще сильнее.

Конечно, мне хочется ей возразить. Сказать, что ничего подобного не произойдет. Я позабочусь о ней. Я же ее защитник. Я все исправлю. Все будет не так плохо. Забвение будет спокойным и комфортным, и не о чем беспокоиться.

Но я слишком сильно люблю ее, чтобы так откровенно лгать. Да она мне и не поверит. Поэтому я просто обнимаю ее крепко-крепко. И это все, что я должен сделать.

– Я могу что-то сделать для тебя, дорогая? Что-нибудь?

Я думаю, она понимает, о чем я говорю. Завтра утром мы отправляемся в «Аспен Ливз». И сегодня у нас последний шанс. Последний день свободы.

Дженни разворачивается, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. Шея ее сейчас гнется не так легко, как раньше.

– Я все утро думала об этом, – говорит она. – Вспоминала. Наверное, я понимаю, что воспоминания меня покидают и мне хочется больше времени провести с ними. Это разумно?

– Разумнее некуда, – киваю я. – И что ты вспоминала?

– О, много всего... И хорошее, и плохое... Ты же знаешь, в жизни любого человека есть и то и другое. Но я прожила счастливую жизнь, правда? Мы с тобой. Вместе.

– Чистая правда! – соглашаюсь я. – Господь свидетель!

– Только вспомни, сколько у нас было приключений, – говорит она, придвигаясь ближе. Похоже, утром, пока меня не было, она надушилась любимыми духами. Я чувствую аромат: жасмин, персик и что-то еще, более глубокое и насыщенное... Дженни с юности пользуется одними и теми же духами. И от этого аромата меня вновь захватывают воспоминания.

– Слишком много, – говорю я. – Мы столько ездили, столько видели... Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лондон...

– Париж...

Несколько минут мы молчим. В моем разуме проносятся волны цвета, романтики и вина. Если Дженни думает о том же, она должна снова почувствовать себя молодой. Пусть даже и на мгновение.

Наконец Дженни нарушает тишину.

– Перед твоим возвращением я вспоминала, как мы познакомились. Ты помнишь?

– Конечно помню. Как я могу забыть?

– Когда я вернулась в то время, мне что-то вспомнилось. Что-то такое, о чем я не думала уже много лет. Конечно, это было так давно, что я уже не понимаю, реальность это или моя выдумка. Ты понимаешь?

– Понимаю.

У меня самого немало таких «воспоминаний». Я почти уверен, что они не связаны с реальными событиями. Возможно, это истории, которые я рассказывал сам себе, пока не пове-

рил в них как в настоящие. Или «снимки» памяти, возникшие из-за фотографий, которые я видел.

Вот, например, старая фотография, где мы с Дженни на трибунах во время игры «Кабс». Тогда я уже перестал играть. Смотря на фотографию, я ощущаю воспоминание так четко, что пытаюсь вспомнить что-то еще, кроме самого момента на снимке. Кто в тот день играл за «Кабс»? Покупали ли мы хот-доги в киоске? Какая была погода? Но я не могу вспомнить ничего, кроме того, что запечатлено на фотографии. Если бы нас не было на снимке, я бы напрочь забыл о том дне, как и о многих других. Но является ли это воспоминание реальным или оно возникло из-за того, что я видел фотографию так много раз?

– Что тебе вспомнилось? – спрашиваю я у Дженни. – Что?

– Не уверена, вспомнишь ли ты. А, может быть, этого и вовсе не было... Но... Ты помнишь ключ?

– Ты сказала, ключ?

– Да, маленький ржавый металлический ключ. По-моему, он был у Эстер. Она достала его из ящика в нашем доме.

Упоминание об Эстер до сих пор вызывает острую боль. Я вспоминаю о ключе – и все события прошлого возвращаются. Я изумленно качаю головой.

– Я часто думаю об Эстер. Но много лет не вспоминал о том ключе. Наверное, блокировал эти воспоминания... Ну, ты понимаешь... Из-за всего этого...

Дженни, вероятно, не помнит об этом. Ключ сыграл важную роль в нашей жизни и многое изменил. Однако это было давно, и у нас были все основания забыть об этом и жить дальше.

Говорят, что время заживает раны. Не знаю, верю ли я в это, но острые края точно сглаживаются. Вспоминая об этом сейчас, я вижу лишь юное лицо Дженни. И слышу заразительный смех Эстер.

Края точно сгладились.

– Ты помнишь, что им следовало открыть? – спрашивает Дженни. – Тем ключом. Почему он оказался таким интересным?

Я даже не думал об этом. В моем разуме всплывает фраза, о которой я не вспоминал много лет. Но сейчас мне кажется, что она всегда жила там. Сидела в глубине мыслей, ожидая удобного случая, чтобы всплыть.

– Сокровище дороже, чем золото, – отвечаю я. – Эстер говорила, что этот ключик откроет нам сокровище дороже золота.

Дженни откидывается назад, и я снова поражаюсь красоте ее зеленых глаз.

– Я целыми ночами думала, что это могло быть. Изумруды? Сапфиры? Что может быть дороже золота?

Она прищуривается, пытаясь сосредоточиться.

– Я представляла, что это ключ от старого чемодана. Когда мы его откроем, оттуда вырвется туман, как джинн из лампы. Я вдохну его, и когда туман рассеется, передо мной появится сокровище.

– Я тоже так думал. Но джинна я не представлял. Только сокровище. И хотя Эстер говорила, что оно дороже золота, я все равно видел золотые слитки. Золото и бриллианты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.